

Игорь Камерзан

СЕЗОН СЕРОГО ГРЕМЛИНА

Глава 1

Яблоко судьбы

История моей семьи не знала другой профессии, кроме продавца яблок. Мой отец, мой дед, мой прадед — в общем, все мужчины в нашей семье были продавцами яблок. Поэтому, когда я родился 20 лет назад, моя ныне покойная бабушка с уверенностью предсказала, что я буду отличным продавцом яблок, на что моя мать заметила: «Как мудры слова твои, матушка!» — а мужчины одобрительно закивали бородами.

По старинному обычаю нашего города, чтобы определить будущую судьбу ребенка, как только тот начинал ползать и мог уже более или менее отличить собаку от сковородки, его помещали одного перед целым арсеналом всевозможных предметов, таких как подкова, кусок неотделанной кожи, гусиное перо, кошелек с деньгами, или, если повезет, нож, флейта или лютня. Считалось, что первый предмет, до которого дотронется ребенок,

определит его будущую профессию. Тот, кто пытался поднять подкову, становился кузнецом. Взывшийся за перо становился грамотным человеком и шел служить счетоводом или, как это нередко бывало, был несчастным поэтом и известным трактирным выпивохой. На ребенка, случайно порезавшего свой нежный пальчик о лезвие ножа, вся семья взирала угрюмо. Считалось, что он вырастет слабым или умрет по своей же глупости. Но, в большинстве случаев, ножи клались тупые, не способные порезать вообще ничего и, к тому же, были направлены рукояткой к ребенку. Поэтому, когда в семье жуликов, воров и убийц мальчик замороженно смотрел на нож, а затем даже пытался взять его в свои ручки за рукоятку, а не ртом за лезвие, семья устраивала грандиозную попойку с традиционной дракой на ножах и трагической смертью двух-трех человек.

Поговаривают, что в благородных домах перед ребенком могли поместить арфу, маленького пони или даже томик магии первого уровня любой школы. Но, к сожалению, это все касалось лишь благородных домов. Или хотя бы более или менее приличных. В моем доме передо мной не было ничего, кроме яблок. И для моей семьи главная интрига заключалась в

том, за сколько мой отец сбавит выбранное мной яблоко на рынке.

Наш Штормхолд был страной вечного снега, расположенной в горном ущелье. Домом для потерянных, спасением для замерзающих путников, холодной могилой для многих поколений его жителей. Зима здесь началась давно, еще до моего рождения. Как раз тогда, когда нынешний Верховный маг встал во главе гильдии. Поговаривают, до него здесь еще были теплые деньки. Народ в Штормхолде можно весьма условно поделить на тех, кто еще помнит весну, и тех, кто с рождения ни разу не видел ни одного одуванчика, растущего в округе. Сами жители любят вспоминать об этом после заката солнца в местной таверне. Раньше «весенние» были гораздо многочисленнее «зимних». Порой «зимним» было весьма небезопасно сидеть в таверне допоздна. Но с каждым годом «весенних» становится все меньше и меньше. Что на руку мне. Хотя я бы не отказался увидеть растущие травы и одуванчики в наших горах. Раньше они всегда встречали путников, с радостью приезжавших в Штормхолд и с грустью уезжавших отсюда.

Гордость Штормхолда — это наша крепость, высоченная белая орлица, возвышающаяся среди скал, с множеством защитных башен, не раз выручавших нас во время Племенных войн. Второе место после крепости по значимости для жизни Штормхолда занимает таверна — место, где истории о великих магах прошлого разбавляют элем и вином. Домов, как и конюшен, в которых почему-то живут не кони, а бездомные, предостаточно. Еще имеются мэрия — каменное здание с огромными часами на центральной площади, куда мы все платили налоги, Форум — центр политической жизни, где собираются всем городом, спорят, голосуют и принимают важные

решения, ледяной мост к крепости и другое. Башня магии с библиотекой всегда были настолько засекречены от простого народа, что любое упоминание знаний и магии у меня вызывало внутреннее отвращение. Фабрика големов производит механических созданий, едва восприимчивых к волшебству. Маги используют големов для того, чтобы отточить на них свое волшебное искусство. Каждый маг перед началом обучения должен купить за свои деньги голема и с ним уже ходить на занятия по магии. Простые ученики заказывали себе на фабрике каменного или железно-го голема, а ученики из благородных семей приходили с золотыми или даже алмазными големами — те служили гораздо дольше, чем их каменно-железные собратья. Дворцы титанов и наг — таинственные и сакральные места, куда простой смертный не попадал никогда. Ходят слухи, что где-то рядом с городом есть павильон джиннов. Мираж, на секунду становящийся реальностью. Кто случайно попадал туда, навсегда прощался со Штормхолдом и жил в царстве своих исполнившихся желаний. Ну и, конечно, нельзя не сказать про место моего рождения и, возможно, даже зачатия. Я имею в виду рыночную площадь.

Рынок, где было продано мое первое яблоко с небольшой надбавкой, был для меня гораздо больше, чем просто рынок. Всему, чему я в своей

жизни научился, я научился на нем. Здесь я впервые заговорил, продал яблоко, научился ходить — именно так, сперва я заговорил, а потом научился ходить. Ведь для того, чтобы выгодно продать яблоко, для начала нужно научиться говорить, а ходить, как мне казалось, и вовсе не обязательно: знатные люди никогда не слезали со своей лошади, а у особенно знатных всегда были паланкин и слуги. Так вот, рынок был для меня гораздо больше, чем просто рынок. Я знал о нем все, каждую мышиную нору, каждого продавца, его родословную до пятого колена. Все мои друзья работали на рынке. Все мои недруги были покупателями на нем.

Еще с детства мне нравилось считать деньги. Звенеть ими, держать их в руках, переключивать из стопочки в стопочку. Каждый заработанный мной золотой я тщательно прятал от чьих-либо глаз, берег, запасал и иногда одаривал себя или своих родителей недешевыми для маленького мальчика подарками. Мне тяжело сказать, зачем я так сильно стремился к богатству. Видимо, моя любовь к блестящим предметам выразилась в стремлении заработать как можно больше, а потом мне просто нравилось радовать подарками себя или окружающих. И в этом мне помогали мои яблочки.

— Эй, Эльсинор! Ты опять с перепоя с яблоками разговариваешь? — то был голос

белобрысого олуха и по совместительству моего друга Бренна. Мы торговали за соседними лавками: я — яблоками, он — тыквами.

— Нет, не разговариваю, я же не бедняга умалишенный.

— Ну не стоит себя обманывать: после вчерашнего все в Штормхолде думают, что ты самый первый сумасшедший в нашем городе.

— Ничего не помню. И помнить не хочу.

— Так я тебе расскажу!

— И не надо мне этого рассказывать.

— Ты что, не хочешь знать главную историю этой зимы в Штормхолде?

— Нет.

— Тогда, может быть, ты хочешь знать, почему Роксан заявила, что не будет общаться с тобой, пока ты не сдохнешь и не сгниешь в могиле, а единственные, кто будут присутствовать на твоих похоронах, это алкаши из трактира и безмозглые големы?

— Что, так и сказала?

— Да, так и сказала.

— Священный Грааль!

— Тише ты, не ругайся так.

— Может, все-таки расскажешь мне? — попытался я, было, уговорить его.

— Смотри-ка, как ты заинтересовался! Нет, дорогой, теперь уж я тебе так просто не расскажу.

— Говори, каналья! — набросился я на Бренна, схватил его за уши и начал тереть их что есть мочи. Бренн отбивался как мог, но несчастные уши Бренна сперва покраснели, потом побагровели, а потом мне и самому стало страшно, что еще немного и он их лишится

— Хватит! Я все расскажу, только пусти меня! — прошипел Бренн, и я разжал хватку.

— Хорошо, — сказал я и отпустил его. — Так что же я вчера натворил?

— Помнишь, как ты приставал к Роксан, а она сказала, что не думает, что пьяным у тебя больше шансов?

— Да, помню, но это было последнее, что я помню про тот день.

— Не расстраивайся, я тебе расскажу остальное. После того, как она пятый раз за вечер сказала тебе нет, ты полно-стью сменил тактику действий. Для начала, голосом сдавленной ящерицы ты выжал из себя: «Нет проблем, дорогая, но ты еще будешь писать мне любовные письма на неделю любви», — взял пинту эля и, победоносно воздев левую руку к небу, выпил ее залпом, бросил кружку на пол, вскочил на стол, долго пытался что-то танцевать, — замечу, что музыкан-ты к тому времени уже давно покинули трактир, — упал со стола, ударился челюстью об пол, вышел из трактира и громко хлопнул дверью.

— Так вот откуда эта дикая зубная боль. А ты что, мышиный хвост, взял да и бросил меня одного?

— К сожалению, я тебя не бросил. Но только когда я вышел из трактира, ты зачем-то уже несся на гору к академии магии. Издалека я увидел, как ты стучался в дверь, рассыпая бранные ругательства в честь нашего главного врага — замерзшего порта, в который уже 30 лет не может зайти ни одно порядочное торговое суденышко.

— Пока что не очень красиво получается.

— К моему большому удивлению, маги не стали тебя спускать с горы, а само занятие очень скоро тебе надоело, и ты разбежался, плюхнулся на живот и покатился с горы по ледяным склонам.

— Странно, как я еще жив остался?

— Все сейчас задаются тем же вопросом. Спустившись к рынку, ты подбежал к лавке отца Роксан.

— Священный Грааль!

— Совершенно верно. О, сколько прекрасных персиков и груш ты перетоптал! Можно было накормить целую армию титанов.

— Как же отреагировал отец Роксан?

— Он полчаса гонялся за тобой по всему рынку, пытаясь посадить тебя на фамильные вилы. Ты драпал от него быстрее, чем летучая стрекоза с поля боя.

— Конечно, я бы хотел породниться с их семьей, но совершенно другим способом. Что же потом случилось с отцом Роксан и почему я до сих пор жив?

— Бедняга, гоняясь за тобой, совсем разволновался, упал и теперь лежит дома у какого-то коновала, считающего себя лекарем. Думаю, тебе стоит оплатить эти расходы.

— Да уж, пожалуй. А еще извиниться перед Роксан. Внезапно Бренн обратил свой взор на пару захожих гремлинов, намеревавшихся пройти мимо наших лавок.

— О, смотри-ка! Чета гремлинов. Не хочешь поработать?

— Не, я пока не в духе.

Слова «поработать» означали следующее. Выгода от торговли яблоками заключалась в трех основных действиях: как можно дешевле яблоки приобрести, как можно дороже их продать и как можно больше яблок подсунуть прохожему. Поскольку при покупке яблок всегда имеешь дело с такими же торгашами, как и ты сам, то рассчитывать задешево купить здесь не приходилось, и сэкономить на данном этапе можно было, лишь покупая яблоки сгнившие и червивые. Содрать с покупателя цену побольше было проще. У порядочных торговцев это умение воспитывается раньше, чем умение читать и писать. Но наиболее

выгодным и самым любимым занятием для меня было подсунуть яблоко прохожему.

Оно составляло львиную долю моих доходов и требова-ло огромных навыков. В своих кругах я даже слыл мастером. Мог подсунуть в карман прохожего по три яблока за раз, потом наблюдатель «со стороны» разоблачал «вора» и затевал скандал с требованием оплатить украденный товар. Благородный человек пытался как можно скорее и тише отдать деньги, иногда даже приплачивал за молчание. Человек с более низкими моральными ценностями соглашал-ся на это с трудом. Гремлины же были настолько подлыми и противными созданиями, что могли не только не расплатиться за украденные яблоки, но и прихватить с собой еще парочку сверху. Когда ты обвиняешь одного гремлина в воровстве, они возникают перед тобой огромной толпой, гремя цепями, выкрикивая: «Справедливость! Есть же!» — толкаясь и перебивая друг друга. Выгода от обмана гремлина была минимальна, а вот хлопоты, которые они доставляли, огромны. Поэтому на предложение Бренна я ответил отказом. К тому же гремлины до безумия любят яблоки, и мне не хотелось терять своих лучших клиентов.

С кем только я ни проворачивал эту махинацию: с ремесленниками и крестьянами, с героями и простолюдинами, с иногда заезжающими

к нам паладинами и монахами, даже с теми, кому уж никак не нужны мои яблочки. Я был настолько хорош в этом деле, что вокруг говорили: «Дьявол, а не продавец яблोक!» Но настоящим вызовом было подsunуть свое яблочко магу. Маги были для жителей Штормхолда всем: нашей главной военной силой, нашей интеллектуальной элитой, нашими духовными отцами — да и вообще они основали наш город для своих волшебных практик. А потом уже, к сожалению для них, появились такие, как мы, торговцы яблочками, поскольку одной манной сыт не будешь. Поэтому среди торговцев было так почетно облопатить мага. Говорят, за всю историю Штормхолда нам это удалось раза два. Если честно, мне кажется, что в Штормхолде не осталось существа, которое никогда, к своему удивлению, не обнаруживало в собственном кармане красивое яблочко, или маленькую тыковку, или несколько изящных, вкусных и безумно дорогих эльфийских хлебцев, завернутых в лист платанового дерева. Но что поделать: рынок в Штормхолде был один, а ртов очень много.

В этот самый момент я заметил, как к моей лавке решительным шагом приближалась женская фигура с явно недобрыми намерениями. Без сомнения, это была Роксан. А по тому, с какой скоростью она шла ко мне, я догадался, что она тоже знает о моих вчерашних подвигах. Роксан

подошла, точнее, подбежала ко мне, занесла правую руку и отвесила мне хлесткую пощечину.

— Чтоб тебя пожрала тысяча церберов, негодяй! — про-изнесла она вместо приветствия.

— Роксан...

— Ты, болотная ящерица, если ты не возместишь моему отцу все убытки, причиненные тобой, то мы с тобой никогда больше не увидимся.

— Но, Роксан! — робко промолвил я, думая, что бы сказать.

— Что?

— Ничего.

Я не нашел никаких слов, которые могли бы хоть как-то передать мое сожаление, непонимание и заодно могли бы улучшить мою участь. Роксан еще раз взглянула на меня. Мне показалось, что в последний момент на ее лице возникла какая-то улыбка. Резко отвернувшись, она не менее стреми-тельно удалилась от меня.

Было не слишком приятно осознавать тот факт, что на меня свалился огромный долг, виной которому были моя глупость и неспособность держать себя в руках. Я тысячу раз проклял этот эль, этот трактир, всю эту гадость, что сопут-ствует веселой компании. Для начала я представил сумму денег, которую мне придется отдать Роксан. Затем я предста-вил, на что еще я бы мог их потратить. Второе занятие было более приятным, чем первое.

Мне предстояло как можно скорее заработать эти деньги, чтобы окончательно не испортить отношения с ней. Среди всех девушек, что я встречал в Штормхолде, кроме пары случайно забредших к нам благородных эльфиек, Роксан казалась мне наиболее красивой. У нее были короткие белые волосы, темные глаза, гладкое правильное лицо и длинный нос. Мне особенно нравились ее сухие, слегка потрескавшиеся губы, которые мне несколько раз удалось поцеловать. Она была небольшого роста, но с первого взгляда на нее можно было понять, что эта девушка была настоящей королевой рынка, принцессой торгашей и мечтой всех нищих гуляк.

После визита Роксан я стал по-другому относиться к окружающим. Теперь, когда я глядел на кого-нибудь, я быстро просчитывал, как и за какое количество времени можно будет выудить из него максимальную сумму золотых монет. Быстро окинув взглядом рыночную площадь, я понял, что сейчас на нем нет ни одного достойного существа, с которого можно было бы получить желанные монеты, а вблизи моей лавки картина была еще более удручающей: здесь сновал всякий сброд и последние негодяи, вроде меня и Бренна. С этого дня мне нужно было зарабатывать вдвое больше прежнего, и ничто не способствовало мне в этом

деле. И лишь где-то вдалеке забрезжил лучик надежды.

Старец, по всей видимости, маг, терся у лавки зелий и ингредиентов к ним, очевидно выбирая травы для какого-то своего волшебного снадобья. С виду он практически не отличался от обычного сгорбившегося старика и был одет в весьма ветхую зеленую шубу, бывшую раньше узорчатым одеянием мага. Он носил длинную бороду, был без головного убора, но густые волосы надежно укрывали его голову от холода. А главным атрибутом, выдававшим в нем мага, был его посох: ветхий, кривой, из гнилой древесины, развалива-ющийся буквально на глазах. Невозможно спутать посох мага ни с чем другим, как и невозможно не знать его силу. А по цвету посоха и по форме его верхней части — рога — можно было догадаться, какую школу магии преимущественно практикует тот или иной чародей.

Адепты школы воды, а таких в Штормхолде было большинство, использовали красивый посох синего цвета, чей рог напоминал структуру снежинки. Магический посох тех, кто занимался стихией огня, был алого, бордового или красного цвета, обладал множеством мелких рожков, направленных вверх, каждый из которых походил на пламя. Посох магии воздуха был с одним, двумя

или тремя прямыми рогами, стоящими вверх, а посох магов земли был наиболее прост из всех. С виду обыкновенная палка любого дерева, кривая, но непременно с разветвленным концом, торчащим, как рога животного. Именно посох магии земли держал в руках маг с нашего рынка.

Молниеносно я схватил первое попавшееся яблоко и помчался к нему. Я хорошо помню то яблоко: большое, сочное, зеленое, немножко неправильной формы, — без сомнения, это был мой самый дорогой товар, который можно было бы подарить кому-то на праздник. Я решил, что уж если и пытаться обмануть мага, то нужно это делать ради стоящей суммы.

Старик был сосредоточен на выборе зелья, а значит, рассеян в остальных делах. Его кожаная сумка свисала слишком удобным образом, чтобы оттуда ничего не вытащить или чтобы туда ничего не подложить. Проходя мимо мага, я незаметно засунул руку в сумку, положил огромное яблоко на самое дно ее так, чтобы он не почувствовал резкого изменения веса в сумке, не менее быстро убрал руку и преспокойно пошел дальше. Когда я выполнял эти нехитрые действия, отточенные мною до мелочей, кровь буквально вскипела во мне, и, как будто делая это в первый раз, я едва сдерживал себя, чтобы не затрястись от волнения,

хотя мои ноги все-таки подкосились на долю секунды.

Затем нужно было выждать. Дать ему осмотреться и, самое лучшее, когда «покупатель» будет приближаться к выходу с рынка, обвинить его в краже. Минуты ожидания казались вечностью, и, когда маг засобирался уходить, Бренн подбежал к нему и произнес дежурную фразу:

— Милейший, собираетесь ли Вы заплатить за то яблоко, которое взяли из лавки этого почтенного человека?

По традиции, следом подходил я, недоумевая, в чем дело. Бренн объяснял, что собственными глазами видел, как наш новый собеседник умыкнул яблоко, а я подтверждал, что действительно сегодня не досчитался одного, двух или даже трех яблок, но даже подумать не мог на этого «глубокоуважаемого со всех сторон» господина. Затем мы вместе смотрели содержимое сумки или карманов «вора» и «неожиданно» находили там пропавшее яблоко. Однако на предложение Бренна маг произнес следующее:

— Вы, должно быть, ошибаетесь или путаете меня с кем-то.

— Тогда извольте предъявить содержимое вашей сумки, — не растерялся Бренн.

— То есть Вы утверждаете, что я, хранитель традиций академии, почетный архивариус

магической библиотеки, профессор школы магии, друг и соратник бывшего Верхово-го мага, магистр стихии земли Сольнир, всю жизнь отдавший службе и защите Штормхолда, только что украл у вас яблоко?

«Ого, я копнул!» — испугался я и спокойно сказал:

— Есть подозрения полагать, что у вас в сумке находится яблоко, которое является моей собственностью, поэтому извольте предъявить содержимое вашей сумки.

— Но ведь я даже не проходил мимо вашей лавки.

«Тоже правда», — подумал я, но продолжал стоять на своем:

— Я настаиваю, чтобы вы показали содержимое вашей сумки.

— Вы настаиваете?

— Да, я настаиваю.

— Ну, хорошо.

Маг вытряхнул все содержимое сумки на землю: какая-то бесполезная книга, пара сухих корней, лепестки, кусок рога единорога величиной с наперсток — неприменный атрибут каждого магического зелья, — и все. К нашему с Бренном огромному удивлению, яблока в сумке не обнаружилось.

— Что ж, вы довольны?

— Да... Прошу меня...

— Ничего, — перебил меня маг. — Слышал я, что продавцы в нашем славном городе порою нечисты на руку.

Произнеся эту фразу, волшебник резко повернулся к нам спиной и засобиравшись уходил, не только не подобрав свое имущество, но даже и не взглянув на него, дав нам с Бренном как следует изучить содержимое его сумки, а почтенной публике — возможность насладиться представлением. Пройдоха-маг перехитрил меня. Только что он издевательски расправился с нами: стырил мое яблоко и преподавал урок благородства, а сам, по всей видимости, получил от этого огромное удовольствие. Его силуэт медленно удалялся: ветхая, почти дырявая шуба, старый посох, длинная борода, почти до колен, щегольская зеленая шапка, сапоги из оленьего меха. Что? Зеленая шапка? Из какого же меха она сделана? Старик еще совсем недавно был без головного убора, и его седые волосы надежно защищали его голову от холода. Быстро смекнув, что к чему, я снова окрикнул мага:

— Милейший! — я выдержал паузу. — Собираетесь ли вы заплатить за яблоко из моей лавки?

Толпа изумленно смотрела на меня и на остановившегося на полушаге мага. Это, определенно, было для них что-то новенькое. Не

раз на рынке случались сцены «обнаружения вора» среди покупателей, но никто никогда не пытался дважды обвинить одного и того же. Маг, который до этого был полностью уверен в своей победе, остановился на миг и, улыбаясь, медленно повернулся ко мне. Но его улыбка означала то, что, несмотря на свое поражение, он будет стоять до последнего. Не выдержав напряжения, Бренн закрыл лицо рукой и поспешил как можно скорее затеряться в толпе. Толпа не двигалась с места, жадно впившись в нас взглядами, и ждала, что будет дальше. Меня терзала в этот момент лишь одна мысль: волшебник, тем более такого ранга, никогда не признает своего поражения от торговца яблоками на рынке. Все ждали, что же будет дальше. И тогда я произнес:

— Милейший, собираетесь ли вы заплатить за яблоко из моей лавки или примете его от меня в знак почтения к вашему благородству?

Одновременно с этим я протянул из кармана всегда бывшее у меня на всякий случай красивое алое яблоко из тех, что растут в садах фей недалеко от полей Юного единорога. Толпа выдохнула. Показалось, что маг тоже. Вдруг он произнес:

— Я, Сольнир, почетный профессор академии магии, маг в пятом поколении, с удовольствием принимаю от вас это красивое яблоко в качестве извинения, но только если вы лично принесете мне

его домой. Также я заявляю почтенной публике, что перед вами благородный человек, с которым, к сожалению, у нас возникло некоторое недопонимание.

От слов мага толпа на рынке почему-то радостно закричала, громко хлопая в ладоши, а кто-то, говорят даже, свалился в счастливом обмороке. То ли они были рады тому, что маг, почтенный маг, впервые на их памяти назвал рыночного торговца и простолюдина благородным человеком, то ли они просто были рады тому, что я остался в живых. Никогда я не видел ничего подобного на рынке Штормхолда. Маг отвернулся от меня во второй раз и медленно зашагал домой. Впервые у меня действительно украли яблоко. Впервые я уступил своему вору, но остался благодарен ему. Впервые я не стал разоблачать мага и отказался войти в историю Штормхолда. Слишком много нового за этот день.

Глава 2

Картины с Граалем

В ту ночь я долго не мог заснуть: двоякое чувство, оставшееся после происшедшего на рыночной площади, стало причиной моей ночной бессонницы. Да, маг прилюдно назвал меня благородным человеком, но за это я отдал ему свое

лучшее яблоко, что, по большому счету, является позором для настоящего торговца. Будь на моем месте любой другой вроде бедняги Бренна, то до конца своих дней я бы припоминал то, как он отдал товар, не получив за это ни единого золотого.

Долгожданный сон пришел ближе к утру. А вместе с ним маленькие зеленые островки в море какого-то белого цвета, а потом уже небольшие озера, зеленое поле, высоченные деревья, стоявшие в ряд на берегу реки — фрагменты далеких теплых стран, рассказы о которых я только слышал от путников, посещавших наш Штормхолд. Просыпаться после такого сна в своей камерке, со всех сторон объятый холодом, не хотелось вовсе, но дневной свет мешал спать уже слишком сильно.

К тому времени уже давно проснулись все остальные жители Штормхолда. Гремлины, составлявшие не меньше трети населения города, вставали раньше всех, занимали места на площадях, рынке, в приемной мэра, других публичных местах и начинали заниматься своим любимым ремеслом — ворчать на прохожих и на все вокруг. Чаще всего им не нравилось то, как одеты, ходят, громко разговаривают, поздно встают, неправильно летают, дорого продают, не чтут традиции, ничего не делают все остальные жители Штормхолда. При этом говорили гремлины в очень смешной манере. Наш язык для них был неродной. Для них вообще

любой язык казался иностранным, кроме тех, на которых хорошо получалось ворчать и жаловаться. Всего в одном занятии преуспели гремлины так же, как в ворчании, — в изготовлении часов. Вообще, часы почему-то сильно притягивали к себе гремлинов, а у часовой лавки на рынке, хозяином которой, естественно, был Магистр гремлин, собиралась целая толпа ворчащих, шебуршащих и разговаривающих на своем жующем языке маленьких, скупых, никогда и ничем не довольных монстров.

Высоко в горах, вдалеке от основной части города, находился дворец титанов, или гигантов — огромных созданий, полубогов-полулюдей, которые появились в результате того, что первые нарушили запрет, который сами же до этого и придумали. Местоположение дворца было выбрано исходя из тех соображений, что гигантам просто не хватало места. Они говорили на каком-то непонятном, заоблачном языке, каждое слово в котором было окружено тысячью эхо. Гиганты не считали, что в Штормхолде кто-то имеет право разговаривать с ними, и просто поселились в нашем городе, сказав, что будут нас защищать на случай войны, а мы будем их кормить. В те времена мы были рады такому соседству, поскольку тогда шли Племенные войны, а теперь мы сильно страдаем от

тяжелых налогов, львиная доля которых уходит на оплату еды для этих высокомерных приживал.

Наги были так называемой кастой неприкасаемых, потомками королей, изгнанных с юга за свою непомерную жестокость. Хотя народ Штормхолда считал их не более чем капризными женщинами, утратившими силу и власть, но сохранившими королевские замашки. Мой отец всегда говорил, что им просто не хватает мужчин. Вообще, они были весьма грациозны, их пластика, необычайно ровные черты лица, длинные волосы и слегка темноватая кожа завораживали. У них было лишь два недостатка, отпугивавшие всех мужчин. У прекрасной наги была не одна пара рук, а вместо ног из туловища торчал змеиный хвост.

Помимо существ, перечисленных выше, в Штормхолде жили еще и другие создания, но сейчас мне уже трудно вспомнить их. В целом отношения между расами в Штормхолде были запутанные, сам Штормхолд походил на бестиарий, а заезжим гостям он казался весьма унылым северным тупиком.

Проснувшись от того, что солнце накрыло меня своим лучом, поначалу я даже не думал идти к магу: переться непонятно куда, чтобы непонятно кому отдать свое лучшее яблоко — еще чего! Но потом стали происходить весьма занятные вещи, заставившие меня пересмотреть свою точку зрения.

Еще когда я нежился в кровати, ко мне подошел мой здоровенный пес, сел на задние лапы рядом с постелью и начал изо всех сил пытаться что-то сказать. То были весьма странные звуки, похожие на какие-то человеческие слова, что слышал пес в своей собачьей жизни. И после каждого сказанного псом «предложения» он вопросительно взирал на меня. Сперва я с интересом глядел на происходящее, но быстро смекнув, что псина просто мешает мне спать, я протянул к нему руку, слегка погладил его по здоровой мохнатой голове, а потом резко схватил за длинную пасть с носом, чтобы тот замолчал. А что такого? Почему люди, когда хотят сказать что-то важное, долго выискивают подходящее время для разговора, а эта псина решила, что ей будут рады в любую минуту только потому, что она собака, которая говорит по-человечьи? Сперва пес зарычал, потом начал скулить и наконец убежал из комнаты. Все-таки закон должен быть для всех одинаков. Это событие меня насторожило, но я все же решил идти к магу только в том случае, если вместо необходимости работы на рынке на меня неожиданно свалится золото.

Придя на рынок, я вспомнил о весьма неприятном факте. Добраться до моей лавки можно было, лишь минуя лавку семьи Роксан, в которой стоял отец Роксан и как-то неодобрительно глядел

на меня. Я с грустью подумал о своем долге перед их семьей, боясь, что огребу, еще не дойдя до своего торгового места. К счастью, обошлось. Он только проводил меня своим страшным взглядом и даже ничего не сказал.

Дойдя до своей лавки, я наткнулся на странную картину. На пустых полках почему-то сидели мамаша с мальчиком-сосунком лет девяти, но уже с необычайно страшным для ребенка лицом, вызывавшим ужас у каждого, кто осмелился бы в него посмотреть. Завидя меня, мамаша, не мешкая, произнесла:

— Я вас видела раньше. Про вас говорят, что вы вчера сражались с магом и тот заявил, что вы настоящий дьявол в обличье человека.

Пожалуй, я недооценивал того, как быстро распространяются в нашем городе слухи и как сильно они отличаются от того, что было на самом деле.

— Слушаю тебя, самка человека, — ответил я, согласно своему новому статусу.

— Ударьте моего сына посильней своей левой пяткой по лицу: он настоящее отродье преисподней, и только ее хозяин может исправить уродство, от которого страдает вся наша семья.

То был день необычный со всех сторон. Я взглянул на несчастного ребенка, мать которого с такой надеждой смотрела на меня. «Очень странное

предложение, — подумал я. — Но неужели я буду бить маленького мальчика по лицу бесплатно?». Мы сошлись на двух золотых, и вопль несчастного ребенка на секунду огласил рыночную площадь.

— Спасибо Вам, добрый человек, спасибо, — пропищала женщина, обняв своего плачущего малыша, и, довольная, ушла вместе с ним с рынка.

Наконец-то я понял, как можно зарабатывать деньги на одной лишь голой славе. В принципе, два золотых — это неплохой результат от торговли в непраздничный день. Сперва я решил, что эти деньги можно удвоить в трактире за игрой в кости и постараться поскорее расплатиться с Роксан. Но вдруг вспомнил об обещании, данном самому себе этим утром. Такое количество едва объяснимых событий, а также деньги, выданные словно по моему повелению, — все будто подталкивало меня к тому, чтобы пойти к чародею. Я взял яблоко — естественно, не то, красивое, что показывал ему вчера, а подешевле — и отправился на поиски вчерашнего мага.

Узнать, где в Штормхолде живет дедушка-волшебник, было несложно. Вообще, в нашем городе есть лишь два места, где знают все обо всех, — это таверна и рынок, а поскольку и там, и там, только в разное время заседает одна и та же публика, то идти в таверну было вовсе необязательно.

— Ну и где мое яблоко?

То были первые слова мага, которые он сказал мне, когда я стоял на пороге его двери. Я протянул яблоко магу, и он впустил меня в дом.

Маг жил на чердаке одного из старинных домов на окраине Штормхолда. Чердак был довольно неудобным местом, заваленным огромным количеством картин, на каждой из которых почему-то был изображен Грааль. Картины с Граалем занимали практически все помещение, закрывали окна, лежали на полу одна на одной, использовались как столы, шторы и перегородки и даже висели на стенах. Пожалуй, Грааль, каким видят его художники, может быть очень разным: от классической чаши с драгоценностями до золотого пятиметрового диска, на котором написано «Священный граль». Оказывается, некоторые художники были не слишком грамотны, но зато впечатлительны, и кто-то из них даже представлял себе Грааль в виде пяти красных танцующих гоблинов. Грааль мог быть разным по виду и сделан из разных материалов, но рядом с Граалем непременно находился путник, или группа путников, которая, по сюжету, наконец, достигла Грааля и, остановившись, восхищенно взирала на свою находку. Наверное, это правило жанра. Потому что иначе было невозможно понять, что это

картина с Граалем, а не с бабушкиными драгоценностями.

Никогда не встречал человека, питавшего такую страсть к одному предмету, хотя я когда-то слышал про то, как полмира помешалось на каком-то кольце и перебило друг друга. А еще рассказывали про некую книгу, из-за которой началась война. Пожалуй, одержимость одной вещью — явление весьма неблагоприятное. Вообще, маг был весьма странным человеком и порой нес невесть что.

— Ты хочешь найти Грааль? — спросил он у меня.

— Нет.

— Конечно, зачем тебе Грааль? Ты даже не подумаешь о нем, будь он у тебя под носом. Ты ведь не тратил двадцать лет своей жизни на поиски карты Грааля, не путешествовал по далеким странам и не разгадывал тайну волшебных ключей, — сказал маг с необычайной рассудительностью для помешавшегося и принялся зло жевать мое яблоко.

— А вчерашнее яблоко было гораздо вкуснее, — заявил он с неудовольствием.

Я несколько не ожидал услышать все это от Сольнира, мага в пятом поколении, почетного профессора академии магии, с трудом понимал его и не знал, что должен ему сказать. Его действия

были такими же непонятными, как и речь. Вместо того чтобы предложить мне, по правилам гостеприимства, выпить отвара или чего-нибудь покрепче, маг ходил с места на места с моим яблоком и от нечего делать превращал различные бесполезные предметы на столе в его единственной комнате в еще более бесполезные и непонятные. Затем он уселся на кресло, устремил взгляд на картину с Граалем, на которой Грааль лежал под деревом в дремучем лесу, обнаруженный каким-то волшебником, немножко похожим на Сольнира, и группой эльфов, долго смотрел на нее, о чем-то глубоко задумался и заснул.

Подобный прием весьма разочаровал меня. Видимо, гостеприимство — это качество, которого первым лишаются все потомственные маги. Сперва я подумал проучить дедушку и унести одну из его бесполезных картин с Граалем, которыми он так дорожил, желательно ту, на которую он глядел, засыпая. Не знаю, что заставило меня передумать, но я решил немного подождать. Через пять минут Сольнир проснулся и произнес:

— Знаешь ли ты, как тяжело быть магом, о юноша?

— Нет, не знаю, но могу сказать, что торговать на рынке — дело тоже весьма нелегкое.

— Слышал ли ты о Тайше, о Вазахуне, о Дунтруне — великих магах древности? Манила ли

тебя когда-нибудь их слава? Мечтал ли ты повторить их судьбу?

На рынке распространялись не только слухи, но и истории о магах, живших задолго до нас, поэтому о Вазахуне, Дунтруне, и особенно о Тайше знали абсолютно все.

— Да, я бы не отказался: все трое были необычайно мудры, а последние два еще и невероятно богаты, — сказал я с усмешкой, поскольку Богатство Вазахуна и Дунтруна заключалось в том, что они сотрудничали с Цитаделью и составляли для них карты Штормхолда, объясняя это тем, что в будущем народ будет вспоминать лишь их мудрость, а не предательство.

— Ну что ж, к сожалению, маги — это всего лишь люди, знакомые с искусством волшебства, и, как и любому другому человеку, им не чужды пороки.

Сольнир вдруг заговорил весьма серьезно:

— Буду с тобой начистоту, Эльсинор.

— Простите, откуда Вы знаете мое имя? — перебил его я.

— Неважно. Я благодарен тебе, что вчера на рынке ты не стал добиваться своего, а поступил мудро, уступив мне. В знак благодарности я могу показать тебе школу магии, провести тебя в ее аудитории и библиотеку и, возможно, познакомить

тебя со своими прежними друзьями, — сказал маг с очень важным видом. Было ясно, что он уже давно имеет лишь отдаленное отношение к академии, если вообще когда-то имел.

— Спасибо, но я должен немалую сумму одной семье и поэтому вынужден каждый день работать на рынке, — сказал я с небольшой надеждой, что маг одарит меня золотым, а не будет отнимать мое время.

— Неужели тебе неинтересно, как устроена святая святых Штормхолда, где занимаются изучением магии в ее первозданном виде и куда не пускают простых людей?

— Я вам так скажу. Каждый мой день устроен таким образом, чтобы я мог извлечь из него наибольшую выгоду и удовольствие. А то, каким образом это сделать, я за свои двадцать лет усвоил очень хорошо. Ваша школа магии интересна мне не более, чем и любое другое место, где меня не знают и знать никогда не будут. И что, по большому счету, ходить по школам магии и глазеть по сторонам — дело, может быть, и интересное, но вот малоприбыльное — это точно.

— А ты все-таки торгаш в последнем колене, — сказал почему-то очень обидную фразу Сольнир.

— А Вы все-таки самодурный клоун, который не умеет даже предложить гостю куска хлеба.

Я был очень сильно задет предыдущими словами Сольнира, и поэтому столь несдержанно ответил ему.

— Благодарю тебя за это замечание, — красиво признал он. — Последний гость был у меня лет пятнадцать назад, и я совсем забыл про то, как следует вести себя хозяину. Если ты не против, то я предлагаю начать наш разговор сначала и вести его несколько более дружелюбно.

Я согласился, и маг отправился на кухню. Затем он вернулся с уже весьма недурным отваром из вкусненьких ягод, предложил мне сесть на свой самый лучший и единственный стул, и тогда его общество показалось мне даже несколько интересным.

— Ничего ты не понимаешь в обычаях Штормхолда. Если тебе позволили войти в школу магии, это значит, что тебе позволили стать магом.

— Но как?! Как? Это правда? — не веря Сольниру, переспросил я.

— А что тебя так смущает?

— Как можно стать магом, не имея абсолютно никаких способностей к этому? Вы, вероятно, забыли, что до встречи с Вами я, как и вся моя семья, торговал яблоками, а не томами заклинаний. Я даже никогда не пил магическую воду из волшебного колодца.

— Но ведь у меня даже нет маны. Или как ваше племя это называет.

— Как наше племя называет, дорогой мой. А мана — это всего лишь потенциал, заложенный в каждом. Никто не может сказать, сколько маны у него есть, пока не попробует поколдовать. Можно лишь приблизительно понять это.

— Знаете, я умею хорошо работать на рынке. Я отличный продавец яблок и могу рассказать о них совершенно все; и, кстати, я считаю, что их стоимость сильно недооценена. Мой отец всегда говорил: «Делай то, что делаешь хорошо, — ни к чему тебе лезть, куда не следует». А Вы мне предлагаете то, чего я не знаю, не умею и с трудом представляю.

— Я тебе еще ничего не предлагаю.

— Тем более.

— У твоего отца была своя позиция. Однако позволь и мне рассказать тебе кое-что. Знаешь ли ты, как речные карпы становятся водными драконами?

— Карпы становятся драконами? Я слышал, что драконами рождаются.

— Да, это общеизвестно. Но также драконом можно стать.

— Много странных вещей слышал я в нашей таверне, но такое — впервые.

— А теперь послушай меня, сынок. Далеко на Востоке, там, где небу поклоняются больше, чем волшебству, а самым главным животным является водный дракон, так вот там, среди множества гор, есть сокрытое от всех глаз небольшое ущелье. В скалу, что формирует это ущелье, давно попала молния, появилась трещина, которая затем превратилась в расщелину, и из нее начала литься вода. Так возник небольшой горный прудик, где вскоре завелись рыбки — речные карпы. Речные карпы жили беззаботно в течение многих лет, но однажды среди них завелась одна особо игривая рыбка, которая мечтала стать птицей. Она научилась прыгать высоко-высоко, махала в полете плавниками и только тем и занималась, что смущала остальных рыб, которые считали ее сумасшедшей. И как-то раз, когда в ущелье гулял свирепый ветер, рыбка на свой страх и риск снова подпрыгнула вверх, ветер подхватил ее, сильно ударил о скалу, а потом понес бездыханное тело ее еще выше и положил ее внутрь той расщелины, из которой образовалось озеро. Остальные рыбы решили, что безумцу пришел безумный конец. Однако на следующий день из ущелья вылез маленький водный дракончик, улыбнулся, взглянув на озеро под ним, и улетел далеко-далеко. Так стало понятно, что любая рыбка, допрыгнувшая до расщелины, становится драконом, и все начали

пытаться повторить этот подвиг. Одни рыбки, попробовав достать до расщелины несколько раз, считали, что это невозможно, и оставляли это занятие. Другие рыбки все продолжали пытаться изменить свою участь, каждый день прыгая вверх до расщелины по сотне раз, но и у них это не выходило, поскольку высота была огромна. Чтобы достать до нее, необходимо, чтобы совпало множество случайностей. Но приблизительно раз в сто лет одной из нескольких тысяч рыбок удается стать драконом, допрыгнув до расщелины в скале.

За последние двадцать лет своей жизни я провел слишком много времени в разговорах с людьми, чтобы меня могло хоть что-нибудь удивить. Однако история, рассказанная стариком, была красива и нова для меня. Мне даже на секунду показалось, что у меня есть шанс стать этим карпом, который один из тысячи своих братьев превращается в дракона. Несколько замороженный этой надеждой, я все же решил чуть приземлить наш разговор.

— А у вас есть дети?

— А почему ты спрашиваешь?

— Потому что вы постоянно называете меня «сынок».

— В течение сорока лет я искал правду, которая оказалась лишь хвостом ядовитой химеры,

медленно убивавшей меня изнутри. Мне было не до детей.

— Так, может, вам просто не хватает детей, а не учеников?

— Не отрицаю, сынок, возможно, я хочу помочь тебе, поскольку своих детей у меня — как золотых зубов во рту нищего гремлина. Хотя, может быть, где-то и бегают несносный ублюдок, похожий на меня. В любом случае, у тебя есть над чем поразмыслить. Иди-ка ты сегодня домой, а приходи ко мне завтра, если, конечно, захочешь.

— Хотел бы я найти то место, где становятся драконами, — сказал я напоследок.

— А почему ты думаешь, что это не Штормхолд?

Домой я пришел в весьма бодром расположении духа. Второй день в моей жизни происходили странные и интересные вещи, — может быть, пора уже к этому привыкнуть? Однако большие сомнения все же терзали меня. На что мне эта химерическая мечта? Я бы с удовольствием торговал яблоками всю жизнь, сидел в таверне с Бренном, поносил недобрым словом магов, женился бы, — в лучшем случае, на Роксан, — завел «ублюдков, похожих на меня», как выражает-ся Сольнир, и был таков.

Знавал я одного трактирного мудреца, который твердил, что от нашего выбора зависит

очень многое в жизни и всегда нужно быть готовым принять новую реальность, о которой раньше и не догадывался. Этот человек неожиданно появился в Штормхолде, пошелестел кучей денег в собственных руках, познакомился со всеми жителями города, внимательно выслушал наши истории, а на следующий день бесследно исчез. Хотел бы я знать его судьбу. Надеюсь, она у него была интересной.

Почему рутинная жизнь нисколько не тревожит и так легко усыпляет под вечер, а все новое и непонятное начинается с расстройства нервов и разрушения режима сна? Счастливы люди, совершающие великие подвиги или предательства и спокойно засыпающие под вечер. Ненавижу ложиться под утро, но, видимо, порой у нас нет другого выбора. Все эти мысли уже второй день кряду не давали мне спать. Однако я был точно уверен, что приду к магу на следующий день.

Глава 3

Школа магии

Как только мы ни поносили доблестных магов на нашем рынке! Для настоящего торговца в Штормхолде упомянуть недобрым словом мага было все равно, что испить холодной воды с утра или вдохнуть воздуха. Клоун, пройдоха выскочка,

болотная тварь, вонючая крыса, дрянь, кошкодрал, безмозглый голем и даже говно собачье, — классические позывные магов в Штормхолде уже даже не вызывали у нас никаких эмоции и были так же незаметны, как и предлоги в нашем языке. Примерами ругательств похлеще были следующие выражения: глупая, мерзкая змея. Или, например: нелепый, кривозубый второсортный фокусник, висельник, шарлатан и голодранец, — такие варианты были несколько за гранью понимания и появились лишь в результате каких-то субъективных причин.

Гремлины тоже не любили магов и с удовольствием присоединялись к нам, когда мы обсуждали кого-нибудь из «фокусников». Грязный куббель, паладин, а также лодырь, бездарь и оглоед считались истинно гремлинскими ругатель-ствами. Особенно удивительно было слышать выражение «лодырь» от тех гремлинов, что с утра выходили на улицу, целый день чесали языком, отправлялись домой под вечер и повторяли это изо дня в день без выходных и праздников. «Ольдерогге!» — сказал как-то про магов сумасшедший одноглазый эльф, что давно поселился в Штормхолде, за деньги показывал свои причиндалы знатным дамам и тем и кормился. После чего эльф захохотал и долго не мог остано-виться. Многие отнеслись к этому неоднозначно, но еще где-то в течение двух лет

после того называли эльфов «ольдер-роггами». А один заезжий монах из Цитадели, изучавший наши нравы и обычаи, даже занес это слово в словарь диалектизмов штормхолдовского языка напротив слова «эльф». Вообще любое ругательство, сказанное кем-либо на рынке и не адресованное никому конкретно, было в первую очередь направлено в сторону магов.

Мы нарочно распускали всевозможные слухи о магах, в которые потом сами же свято верили. Слухи обвиняли их во всех напастях, обрушившихся на Штормхолд за последние годы. Например, в год, когда развелось огромное количество крыс, было решено, что маги питались супом из кошатины, а по ночам летали по Штормхолду, воруя кошачьи тушки. Частенько магов видели пасущимися за городом и собираю-щими различные растения. Мы придумали, что те целыми днями выискивают дурманящие грибы, растущие из-под снега рядом со Штормхолдом, подняли шум и на уровне мэрии заявили, что не будем отпускать ингредиенты для зелий магам по дешевке, поскольку боимся того, что маги будут готовить из них дурманящие зелья и подсовывать нашим детям. Одним словом, мы мстили магам за то, что они были лучше и богаче нас, самыми разными способами.

Не знаю, почему их так не любили. Возможно, потому что считали, что если бы мы знали магию, то у нас могло бы быть все. А эти «оглоеды» не только ничего сами не имеют, но и еще и ничем не делятся с остальными в Штормхолде. Все-таки зависть — это очень плохое чувство. Мне предстояло впервые попасть в школу магии, куда мальчишки с рынка просто мечтают проникнуть с детства, поэтому в тот день я надел свой лучший костюм, как будто собирался продать целую телегу яблок.

Я зашел к Сольниру, тот нисколько не удивился моему появлению. Он был в тех же лохмотьях, что ходил постоянно, сухо сказал: «А, пришел!» — надел шубу, и мы отправились в школу.

Школа, или академия, магии — башня округлой формы с белыми стенами — находилась на возвышении, и с нее было видно практически весь Штормхолд. Крыша школы была очень необычна: несколько пестрых куполов, как считалось, помогали концентрировать магическую энергию. Школу можно было четко разделить на четыре этажа, что означало четыре уровня заклинаний различных стихий. Библиотека, в которой хранилось много книг, была пристроена к академии, но вход в нее был только из школы, а поскольку в ворота школы пускали только магов и

их гостей, то простолюдинам было невозможно что-либо почитать.

Стоит сказать несколько слов о воротах школы, на которых заканчивалось знакомство с ней для большинства жителей Штормхолда. Огромные, двустворчатые, деревянные ворота, способные выдержать, как кажется, целую осаду с применением тарана, катапульты и даже магических бомб, были разделены на 12 небольших квадратов. В каждом из них был описан эпизод из жизни Штормхолда: заложение крепости первыми магами, приход гигантов и наг, клятвенное обещание гремлинов не есть, пока им не дадут право голоса на Форуме в Штормхолде, и трагическая смерть большинства из них впоследствии, — эти и другие события каждый житель города считал своей великой историей. На воротах сохранилось еще несколько пустых квадратов, но пока что еще не случилось такого количества столь значимых событий, чтобы ими можно было занять все пустующее пространство ворот.

У ворот школы магии стоял волшебник весьма высокого роста, в длинной синей шубе, окаймленной белым мехом, и шапке, с большой белой бородой, красным носом и огромным белым посохом чуть ли не больше самого мага. Это был Балтазар, каждый день стоявший перед воротами

школы. Простые люди считали его одним из действительных членов академии, кем-то вроде часового или стража ворот, призванного не допустить попадания немагов внутрь. Балтазар уже очень давно как ушел из академии в силу каких-то личных причин и перестал заниматься магией. Теперь он стоял каждый день перед воротами школы и смотрел на всех, кто заходит и выходит из них. Балтазар обратился к Сольниру:

— Здравствуй, мой любезный друг. Нечасто у нас встре-тишь столь почтенного чародея, как ты. Какая нужда привела тебя к нам?

— Здравствуй и ты, Балтазар. Ты прав, я теперь очень редко захожу в академию, но сегодня я пришел к вам, чтобы впервые провести своего нового ученика.

— Да, я помню этого молодого человека, говорят, не так давно он уже предпринимал попытку проникнуть сюда, стучал кулаками в нашу несчастную дверь и полночи недобрыми словами рассказывал ей о том, что в замерзшем порту корабли, — сказал Балтазар и громко захохотал.

— Ну, а ты жалуешься, будто тебя тут не знают! — вспомнил Сольнир и начал смеяться вместе с Балтазаром. Мне было несколько неприятно, что среди магов обо мне уже ходила дурная слава.

— Видимо, в тот день ему страсть как хотелось заработать пожизненное презрение со стороны нашей гильдии, — добавил Балтазар

— То есть ровным счетом ничего бы не изменилось, — огрызнулся я.

— А твой ученик — бойкий малый, — продолжал он.

— Да, он не из робкого десятка, потому и пришел сюда уже во второй раз.

— Интересно ты распоряжаешься своим правом раз в год привести сюда гостя. Раньше маги если и приводили сюда немагов, то это были молодые простолюдинки, которые готовы были отдаться только за мысль, что ее могут счесть волшебницей.

— Нынче уж не те времена пошли, наша молодежь го-раздо больше предпочитает волшебные трактаты, чем хорошую компанию. Не удивлюсь, если половина из них до сих пор девственники, — сокрушался Сольнир.

— Да уж, а представляешь, как сильно они тратятся на книги, свитки и все остальное. Ты, кстати, обратил внимание на мою новую шубу, что я себе купил? Правда, она хороша

— Она великолепна, Балтазар: какой удивительный покрой и какое гармоничное сочетание тонов! Разреши нам с учеником попасть внутрь школы?

— Хорошо, проходите, — коротко ответил он, довольный ответом Сольнира.

На самом деле, предыдущий диалог Сольнира и Балта-зара не имел никакого значения. Балтазар в целом неплохой малый, но к школе магии он имел отношение еще более опосредованное, нежели Сольнир. Любитель красивой шубы никогда не служил привратником в академии, он просто стоял там целыми днями от нечего делать. Более того, в академии вообще никогда не было такой должности, как привратник, а двери открывались сами, если рядом с ними было произнесено слово-пароль, которое знали все маги. Все были в курсе этого, но все же с почтением относились к Балтазару и спрашивали у него разрешения пройти.

Войдя в школу, мы попали в огромный двухуровневый зал — место неформального общения адептов и профессоров, с огромными мраморными колоннами, пилястрами, портретами великих магов Штормхолда на стенах, лестниц с балюстрадами, образующими два уровня зала; справа от центральных ворот был проход в библиотеку, а с другой стороны располагались многочисленные входы в самые разные коридоры и зеркало перед ними. Оно появилось здесь относительно недавно: один из учеников сотворил это зеркало и предоставил в качестве курсовой работы по предмету «возможности ремесленного

использования магии», оно так понравилось большинству магов, что его решили установить на входе. Народ подходил к зеркалу и спрашивал у него, что оно видит, а оно очень забавными и отвлеченными фразами рассказывало смотрящемуся в него, что думает. Раньше слова зеркала, бывало, нередко отражали правду, но последнее время оно почему-то барахлило. Несколько месяцев назад оно вдруг сообщило некоторым магам, что глупого человека стыдно даже скормить своей собаке. А потом, когда мимо него прошел Верховный маг, оно вдруг сказала, что в огне преисподней плавятся даже мертвые кости.

Как только мы с Сольниром вошли в зал, маги, что стояли небольшими группами и беседовали, замолчали на секунду, будто бы сообщив друг другу: «Здесь находится простолюдин», — и снова заговорили между собой. Большинство из них так и не посмотрело в нашу сторону, нарочно не обращая на меня никакого внимания и специально не показывая того, что я имею для них какое-то значение.

Второй раз зал замер, когда Сольнир привел меня к зеркалу и спросил у него, что оно видит. Оно ответило следующей фразой:

— Сегодня у меня хорошее настроение. На небосклоне Штормхолда, закрытом черными тучами, наконец начали появляться новые звезды.

— А почему бы вам не подойти к зеркалу? — сказал я Сольниру.

Маг подошел к зеркалу, поправил свою бороду и слегка улыбнулся, глядя в него.

— Обидно всю жизнь искать и не находить, но куда страшнее добиться того, что ищешь, — сказала зеркало и попросило оставить его в покое.

Сперва Сольнир повел меня в библиотеку. Над входом в нее было написано: «Всякий, изучающий науки, входящий сюда, не хлопай дверью и не топай грубо ногами, — это неприятно музам. Если ты найдешь кого здесь уже спящим, почтительно поклонись, молча, и не занимайся болтовней: здесь мудрейшие говорят с занимающимися».

Видно было, что маги очень ценили свою библиотеку. Она состояла из двух уровней: внизу располагался большой читальный зал, стеллажи с книгами и стремянки для восхождения на стеллажи; второй уровень, огороженный балюстрадой, предназначался скорее не для книг, а для всевозможных колбочек, пробирочек, сушеных и несушеных ингредиентов различных зелий и другой чепухи, сопутствующей магической практике. В библиотеке трудились несколько архивари-усов, не считая главного, и группа адептов, ловко взбирающихся на высоченные стеллажи и достающих оттуда необходимую книгу.

Раз в год каждый ученик школы проходил обязательную библиотечную практику. Говорят, что это было весьма полезно, и многие прежние адепты, за исключением отдельных индивидуумов, прочитывали основную массу книг во время библиотечных практик. Ныне же ситуация изменилась, и чтение является образом жизни для многих учеников. Кроме тех адептов, что проходили библиотечную практику, в зале находилось совсем немного учеников. Сольнир объяснял это тем, что шли первые дни учебного года, и еще даже не все предметы начались, и что ближе к экзаменам в библиотеке будет не продохнуть. Я спросил у Сольнира о смысле чтения магических книг.

— Понимаешь, сынок, для совершенствования в искусстве магии необходимо читать трактаты о волшебстве, написанные другими магами.

— Но мне кажется, что многое можно постигнуть самому через практику.

— Ты прав, но когда ты достигнешь своего предела, тебе стоит почитать то, что писали великие маги древности. Наберешься знаний и сам не заметишь, как станешь мудрее, осведомленнее, и твои магические способности вырастут. Только не заигрывайся с книгой: она хороший слуга, но плохой господин. Неграмотные люди счастливы вдвойне, а умножающий познание умножает

скорбь. И не злоупотребляй книгами, от них лишь развивается жадность, злоба и душащее желание знать, понимать и читать совершенно все. И все больше и больше.

Доступ практически ко всем книгам был очень свободный, и поэтому я решил пройтись мимо стеллажей и даже потрогать некоторые экземпляры. Думаю, Сольнир даже удивился тому, что я ничего не украл оттуда. Хотя сейчас мне кажется, что стоило бы. Проходя мимо стеллажей, я натолкнулся на рыжебородого профессора. Он, одетый в кожаную робу, читал книгу, аккуратно левитируя между стеллажами и не глядя по сторонам. Это был Диамантис, пожалуй, самый харизматичный преподаватель в академии, один из лучших знатоков магии воздуха в Штормхолде. Натолкнувшись на меня, он покачал головой и, не отрывая взора от книги, выдал:

— Молодой человек, Вы вряд ли имеете какое-нибудь уважение к этому месту, если носите настолько грязную обувь.

Говорят, Диамантис всегда произносил эту фразу вместо приветствия. Станные нравы у прежнего поколения магов. Их больше расстраивает не слишком опрятный внешний вид молодых людей, нежели что-либо еще.

Одного только беглого взгляда хватало, чтобы понять, что стеллажи были полны драгоценнейших

книг. Наконец-то я понял, почему наш мэр называет город не только красивым, но и дорогим. Над первым и вторым уровнем библиотеки возвышался сводчатый потолок, расписанный лучшими художниками нашего города. Росписи в целом повторяли истории, описанные на воротах школы, с той лишь разницей, что маги на своде были изображены более похожими на титанов, с мускулистыми телами и невероятно красивыми лицами. Особо талантливые художники изображали магов сидящими на ледяном троне, с очень густой шевелюрой и длинной бородой, с посохом больше, чем многие изображен-ные недруги.

Еще одним важным помещением в библиотеке был скрипторий, где те из учеников, кто славился прекрасным почерком, занимались почетной обязанностью — переписыванием магических книг. Переписчики отбирались из наиболее аккуратных учеников и вскоре становились настоящими каллиграфами. Среди них был также один с хорошо постав-ленным голосом. Он зачитывал переписываемую книгу, четко соблюдая все паузы. Пятеро человек не спеша записы-вали то, что он диктует. Когда завершалась очередная глава, к работе приступали коррективщики, а после них книга отдавалась иллюминаторам, которые иллюстрировали ее и отдавали мастерам для изготовления переплета. Таким сложным образом

переписывались лишь самые ценные книги: ценнейшие магические, философские и духовные трактаты. Тома, связанные с волшебством, писались магическими чернилами, остальные — самыми обычными.

Из библиотеки мы вернулись в первый зал, откуда зашли в один из многочисленных коридоров. Длинные узкие коридоры школы переплетались друг с другом, шли то вверх, то вниз, соединялись и разъединялись при помощи проходов, лестниц. Их каменные стены были украшены портретами магов, непонятными картинами со странными сюжетами и многочисленными светильниками. Иногда казалось, что все эти коридоры меняли свое направление, шли «над», «сквозь» и «под» относительно друг друга.

По коридорам перемещались с очень большой скоростью, и никому не рекомендовалось ходить по ним медленно, а стоять в коридоре было вообще весьма травматично: любой профессор академии мог сбить тебя без зазрения совести, а потом еще и сокрушаться, что молодежь не помнит и не хочет чтить традиций этого славного заведения, нарочно мешая пройти учителям. Даже перемещаясь по практически безлюдным коридорам, я испытывал некий трепет к этим каменным стенам, поскольку

еще не считал себя частью школы. Это заметил Сольнир и успокоил меня.

— Это хорошо, что ты волнуешься. Это значит, что с этим местом связана твоя судьба.

Через анфиладу коридоров, залов и лестниц мы попали в жилой корпус. Точнее сказать, это были аудитории, переделанные под жилые помещения. Матрасы, поставленные в ряд на полу, на которых спали маги, пара тумбочек и все. В таких помещениях жили далеко не все маги, поскольку многие были из весьма состоятельных семей, но все же некоторые маги ночевали прямо тут.

— Здесь ошиваются либо те, кто кормится за счет школы, либо особо усердные.

— Зачем они это делают?

— Не знаю. Говорят, сейчас очень многие отрекаются от всего, продают фамильные дома, отдают деньги школе и пытаются жить идеалами магии и самосовершенствования. Черт знает, что у них на уме! Скоро из-за этих сволочей мэр объявит, что поскольку маги — аскеты и питаются манной небесной, то нам всем следует урезать пожизненное жалование. И тогда благородное слово маг станет синонимом нищего. Не дай пресвятой Грааль случиться подобной ерунде!

В результате долгого блуждания по коридорам мы очутились у двери с надписью «Зал

изучения теории природы магии». Дверь была наполовину открыта, и из нее доносился приятный голос лектора:

— Маг является неким медиумом, который лишь научился воплощать волеизъявления высшей силы, способность к чему развивается посредством многочисленных практик. И если вы вдруг перестаете замечать этот порядок, а начинаете творить заклинания так, как вам захочется, не задумываясь ни о чем, то можно перестараться в этом деле и просто-напросто сгореть.

— Хочешь послушать эту лекцию? — спросил Сольнир. Я лишь кивнул головой.

— Пойдем, — сказал он.

— Но как это возможно?

— Никто в академии не станет порицать благородное стремление учеников заниматься магией, к тому же этот лектор — мой старый друг.

В аудиторию мы вошли вместе с Сольниром. Его появление вызвало такой восторг у некоторых адептов, что те радостно завизжали. Оказывается, для нынешних учеников академии Сольнир был личностью полупоупендарной. Профессор читал лекцию, но, как только увидел нас с Сольниром, улыбнулся и замолчал.

— Разрешите нам с моим учеником послушать твои мудрые речи, Стурикс.

— Вот так новость, у Сольнира на старость лет появился ученик. Последнее время случаются события, которые не иначе как плохим предзнаменованием трактовать нельзя. — Затем лектор обратился к классу:

— Ну что, позволим великому Сольниру и его ученику послушать вместе с нами лекцию?

Класс радостно завизжал, чему я был несказанно рад. Мы с Сольниром уселись на стулья, а Стурикс продолжил вести урок.

— Маг старается аккумулировать магическую энергию-ману и не растрачивать ее понапрасну. Поэтому так важно контролировать свои эмоции, не тратить силы по пустякам, уметь закрыть глаза на все и не поддаваться страстям.

Спустя пять минут Сольнир ушел, заявив, что у него есть дела и поважнее. А я остался дослушать лекцию до конца. Из той лекции я узнал, что магия так же естественна для человека, как и сон. Во сне нет ограничений, которыми мы связываем себя, и умение видеть жизнь как сон — один из ключей к волшебству. Слова Стурикса поразили меня своей простотой. Благодаря им магия казалась мне доступнее, чем когда-либо. Я хотел лишь только начать колдовать. И желательно, как можно скорее.

Из аудитории я вышел с чувством невероятного облегчения, с ощущением того, что я теперь свой. Только что я попал в дверь, которая

всегда была закрыта для меня на тяжелый амбарный замок. Теперь моя жизнь полна неизвестности и мистики. После лекции я с трудом нашел выход из бесконечных коридоров школы магии. У больших ворот все так же стоял старина Балтазар.

— Ну что, малыш, твой первый день не станет последним?

— Надеюсь, что нет, Балтазар.

— Ты уже определился, магию какой школы ты будешь изучать?

— Что это значит?

— Это значит, что тебе предстоит выбрать одну из четырех стихий, в которой ты будешь совершенствоваться. Ты, конечно, можешь выбрать несколько, но такой выбор зачастую не приводит ни к чему хорошему, а маг, знающий несколько школ магии, но ни одну из них хорошо, представляет собой жалкое зрелище.

— Да, пожалуй, стоит сконцентрироваться на одной школе. Может, дашь какой-нибудь мудрый совет, Балтазар?

— А знаешь ли ты, что такое мудрость, сынок?

— Никогда не задумывался, если честно.

— Позволь же мне рассказать тебе, что такое мудрость. Понятие мудрости свойственно не только тем, кто живет в Штормхолде, но и остальным

городам от болотных низин до Некрополиса. И почти нигде мудрость не определяется как количество прочитанных книг. Давным-давно королевством Пустоши правил один легендарный король — Крзыс. В его правление почти не было недовольных, а те, что были, пропадали без вести или погибали от неизвестной болезни. Один воин-маг захотел усмирить короля, ни в грош не ставившего жизни своих братьев. И, придя к нему, напороочил, что тот будет проклят богами Пустоши, если не прекратит нещадно убивать своих братьев. Король внимательно выслушал мага и спросил у него, как же сложится судьба самого мага? Маг почти моментально заявил, что станет великим магом и будет повелевать Пустошью, а его правление войдет в историю как одно из самых добродетельных и благодатных. Ничтоже сумняшеся, король вытащил свой боевой топор и отрубил магу голову. Все приближенные еще раз поклялись в верности королю, а сам он вошел в историю как Крзыс Мудрый.

— Да уж. Воистину мудрый король. Если ты позволишь, Балтазар, то я пойду.

— Конечно, иди, дома хорошо.

— А ты, Балтазар, будешь тут допоздна стоять?

— Нет, конечно. Пора бы и дома посидеть. Что я, дурак — здесь допоздна торчать?

— Очень мудрое решение, Балтазар.

— Мне нравится, что ты понял, что такое мудрость, малыш.

По пути домой со мной случилось одно не самое прият-ное событие. Возле моего дома меня поджидал отец Роксан с явно недобрым намерением. Я решил не дожидаться его первой фразы и сразу попытался улучшить свое незавидное положение в меру этикетной упреждающей фразой.

— Милейший, — замямлил я, забыв, как его зовут, — воз-можно, вы считаете меня человеком неблагородным, но это не так.

— Послушай меня сюда, Эльсинор. Говорят, будто бы ты нацелил свое поганое копьё в сторону моей драгоценной дочери. Я знаю тебя давно, ты славный малый, но ты не доказал, что достоин моей дочери. Она — королева, а ты всего лишь мелкий торговец. Так что без обид. Понял?

— Уважаемый, не беспокойтесь, я отдам вам свой долг в ближайшее время. Будьте во мне уверены, ведь это в моих же интересах.

— Ты мне ничего не должен. Понял? От тебя лишь требуется смириться, что Роксан не для тебя. Она вообще не для таких, как ты. Ей нужен высокопоставленный человек.

— А кто это такой? — с любопытством спросил я.

— Это тот, у которого все есть и все будет.

Домой я пришел очень злой. Кто же такой я, с точки зрения отца Роксан? Кусок говна по сравнению с высокопоставленным человеком? Не больше. Но ведь если я кусок говна — а я ничем не хуже и не лучше отца Роксан: всю жизнь торговал на рынке, никогда не держал огромных денег в руках, никогда не был наделен властью — то получается, что и сам он — дерьмо. Хотел бы я знать, почему люди так не уважают, не ценят и не любят сами себя? Хотел бы я думать, что деньги — не главное в этой жизни. Что сказки, которые мне рассказывали в детстве про бескорыстных, смелых, богатых не деньгами, а духом людей, сбываются. Сегодня же умерла последняя моя надежда, растаяла последняя иллюзия о жизни. Встреча с такими ничтожными людьми, испытывающими трепет перед «высокопоставленными людьми», была мне как пощечина, как длинная игла, проникающая прямо в сердце, как жирная оплеуха исподтишка. Как можно вообще жить с такой логикой, с желанием подороже продать себя, свою дочь, лишь бы стать чуть богаче, чем остальные? Я очень любил деньги и, как и всякий торговец, пытался вытянуть последний золотой из покупателя, оставить его в трусах, но с моим товаром, а желательно и без трусов и без товара. Но при этом я всегда помнил, что здоровье и счастье за деньги не купишь. Что деньги нужны, но лишь для

того, чтобы проще было себя уважать. Я решил, что, во-первых, как можно скорее отдам ему долг и, во-вторых, докажу ему, что он зря обошелся со мной так. Счастье не для высокопо-ставленных людей. Счастье для всех.

Интересно, о чем думают те, кто просыпается посреди ночи и не может потом заснуть? Когда у тебя столько бесполезного свободного времени, возможность о чем-то думать просто необходима. Той ночью я глядел на дверь своей комнаты. Она была слегка приоткрыта, и из нее шел тусклый свет. Я вспомнил о полуоткрытой двери в зал изучения природы магии и подумал, что по меньшей мере две двери для меня незакрты. А за окном в холодном городе стояла метель, и было очень темно.

Глава 4

Магическая стрела

Как часто желаемое не совпадает с тем, что происходит на самом деле. Я был бы и рад отдать семье Роксан долг, который тяжелой ношей висел на мне, но это было невозможно. На следующий день я опять пошел в школу и слушал лекции о природе магии.

К счастью, маги — одни из самых ленивых созданий в Штормхолде. Как удобно считать себя

лучше остальных и объяснять свою лень, свое безделье, неумение вовремя собираться, нежелание заниматься домашним трудом, например готовкой или уборкой, как нежелание тратить свое драгоценное время на вещи недостойные, неблагородные и даже низкие. Благодаря этому быт большинства чародеев порой был еще отвратительнее, чем у последнего выпивохи. Доподлинно известно, что некий маг по имени Сибвал был настолько ленив, что никогда не думал встать со стула, чтобы открыть дверь, если в нее стучали, не считал нужным выходить из комнаты, дабы справить нужду, и терпеть не мог Штормхолд, но никогда не покидал его пределов, потому что ему было недосуг.

Сольнир был настоящим магом, а значит, не утруждал себя ничем, кроме магии. А чаще всего он просто ничем себя не утруждал. Когда-то ему за особые заслуги предлагали высокий пост в академии и большое жалование, но единственная проблема заключалась в том, что приходиться нужно было очень рано. Сольнир сказал, что скорее будет сидеть дома и рисовать картины со священными Граалями, чем работать на этих петухов, что встают ни свет ни заря. Видимо, его не очень привлекало обывательское благоденствие.

Однако такая жизнь магов очень подходила моей бессоннице. Занятия в школе начинались

поздно, поэтому до их начала я мог себе позволить хорошенько выспаться и делать все, что хотел. А точнее, не делать ничего. Единственное преимущество от пробуждения днем — в большом количестве снов, которые видишь утром.

«Это сумасшествие — то, в чем я оказался», — была моя первая мысль, когда я проснулся в очередной раз очень поздно, но, к счастью, события разворачивались настолько стремительно, что у меня не было времени хорошенько все обдумать. Мне лишь жадно хотелось знаний и тянуло в академию. Раньше, стоя на рынке, я делал все, не задумываясь ни на секунду, руководствуясь лишь привычкой и стремлением заработать как можно больше. Теперь же я словно заново учился ходить, все начинал сначала, мечтал об обучении, и мне это нравилось.

В тот день я снова пошел в школу вместе с Сольниром, хотя он сильно противился и кричал, что в его годы по школам уже не ходят, а подметают листья в храмах магии. Благодаря ему я узнал о других помещениях в академии. Помимо учебных аудиторий, здесь были: мастерская магических изобретений, комната промывания кистей, зал иллюзий, зал концентрации маны, где начинающим магам было легче колдовать, места сакрального уединения, где можно было поспать, оранжерея, бассейн с водными тварями, каминный

зал для созерцания огня, винтовая лестница в высокую башню, где трудился Верховный маг, и многое другое. Говорили, что маги воды сначала учатся плавать. Те, кто изучает огонь, исследуют все виды огня и даже прислу-живают алхимикам, стеклодувам и кузнецам, чтобы узнать различие в его типах. А маги земли не приступают к волшебству, пока не научатся выращивать растения. Поэтому наличие всех этих залов в бесконечных коридорах на первом этаже было оправдано. Выше находились другие помещения, куда мы не стали подниматься.

Первым делом Сольнир показал мне мастерскую магических изобретений, где было создано говорящее зеркало.

В мастерской маги — и ученики, и учителя — пытались соединить магию и ремесло, изобретая всевозможные магические устройства. Как оказалось, волшебники в Штормхолде были большие выдумщики. На многочисленных постаментах здесь стояли непонятные штуковины, а рядом располагались еще более непонятные чертежи к ним. Большинство изобретений напоминало бесполезный хлам, но некоторые заслуживали внимания. Среди них стоит отметить магический колодец, в котором исчезали предметы, которые ты туда клал, и появлялись в другом месте, шарик, который собирал все, что плохо лежит, и

сам становился все больше и больше, двери, открывающиеся самостоятельно, и сапоги, не проваливающиеся в снег. Меня особо привлекла кисть, которая писала сама по себе.

— И почему, интересно, никто не догадался до сих пор придумать кисть, что пишет слова, которые ей диктуешь ты? — глядя на кисть, спросил я у Сольнира.

— Это магия, сынок. Если ты думаешь, что создать ка-кое-нибудь изобретение настолько просто, то милости просим в мастерскую. Да и потом, куда ты денешь тогда приход из скриптория, которые ничего не умеют, а только целыми днями переписывают книги?

Но больше всего жители города были благодарны мастерской из-за того, что в ней делали волшебные потешные огни, которые выпускали по праздникам, и все горожане радовались фейерверку, собираясь на центральной площади или наблюдая за ним из окон своих домов.

Сольнир говорил, что я могу зайти в любую аудиторию, если ее дверь открыта. Это было одно из самых древних правил школы, которое ввел еще великий Алфон, ее основатель. Тогда идеалом академии была возможность реализации потенциала всех учеников, общее стремление к просвещению, к приручению магии, к поиску истины в нашей «науке» и взаимопомощи. Это

потом уже маги стали думать о себе как о каком-то элитарном классе «сверхлюдей», выше и благороднее простолюдинов, или немагов, как смешно называли они остальных, и даже среди самих магов появились те, кто считал себя лучше других братьев.

Поочередно мы заходили с Сольниром в помещения на первом этаже. В открытой оранжерее, где выращивали различные виды растений и заодно проводили занятия по основам магии земли, постоянно была высокая температура и в целом комфортные условия не только для растений, но и для людей. Солнце проникало сквозь стеклянный купол и освещало зал. Никогда, кроме как на картинках, я не видел столько деревьев, цветов, трав, да что там, незаснеженной земли, как в оранжерее. Тут распускались цветы, почки, ползали, прыгали, опыляли цветы и просто летали вездесущие насекомые, плодоносили, цвели растения, грибы, мхи и все, что умеет цвести. Считалось, что овладеть магией земли можно только сперва выучив земледелие. По-другому магию земли иногда называли магией жизни, кажется, я начал понимать почему.

В каминном зале проходили занятия по приручению огня. Вообще магия огня была одной из наименее почитаемых в Штормхолде. Несмотря на то что в заснеженном городе огонь был

жизненно необходим, а очаг в доме считался священным, среди наших магов огонь не воспринимали как что-то благородное и ему обучались в основном так, заодно. Магия огня считалась суетливой, наименее интересной и наиболее глупой из всех.

Нельзя сказать, что учеников в школе было очень много, но и малым их число тоже назвать нельзя. При этом женщин было гораздо меньше, чем мужчин. Традиционно в Штормхолде считалось, что магия — это занятие скорее мужское, чем женское, хотя в некоторых королевствах, насколько я знаю, было такое, что магией занимались только женщины. Те девушки, что учились в академии, были в большинстве случаев скорее инфантильны, чем женственны, да и адептов, как мне казалось, больше привлекали девушки-простолюдинки, которые привыкли работать руками и могли даже, в случае чего, защитить мага от побоев. Голубой мечтой каждого адепта была сказочная фея или охотница с луком. Сольнир пренебрежительно относился к женщинам, занимающимся магией. Он твердил следующее:

— Женщина — существо второсортное. А по интеллекту она не сравнится с мужчиной, будь она маг в десятом поколении и главный архивариус библиотеки магии одно-временно. Я знаю одну собаку, которая умнее женщины, хотя бы потому,

что слушает и выполняет все в точности, как ей говорит хозяин. Они редко наделены чувством юмора, напроць лишены божественной искры, гениальности и только и могут, что пытаться от тебя забеременеть и подмешать тебе свои менструальные выделения, чтоб захомутать. Любое заклинание у них получается механически, без души, и лучшее, что может в своей жизни сделать женщина — это суп!

В тот день мы снова зашли на урок к Стуриксу послушать лекцию о природе магии. Как и в прошлый раз, появление Сольнира было воспринято овацией и непонятной радостью. Я заворожено слушал лекцию, а потом взглянул на Сольнира, — он уже собирался уходить.

— Пойду прямою кисточки, — заявил Сольнир и оставил меня одного.

Стурикс был благосклонен ко мне и по окончании лекции подарил мне книгу «Первичная природа магии», написанную им самим и иллюстрированную в скриптории школы. Она была выполнена самыми обычными чернилами, но с красочными иллюстрациями, наглядно показывающими происхождение первых заклинаний. При долгом и внимательном взглядывании в них иллюстрации оживали и сами рассказывали о том, как, например, поклонение животным и растениям привело к развитию магии

земли, предметы, в которых вселялись души умерших, становились священными, назывались впоследствии артефактами и о многом другом. Книги или иллюстрации к книгам, посвященные заклинаниям, писались магическими чернилами и красками. Духовные и философские трактаты, как и литературу низшего сорта — записки, конспекты, черновики, — вели самыми обыкновенными чернилами и наносили все это кистями или гусиными перьями.

Свою первую книгу я читал дома, стыдясь и закрыв голову капюшоном, боясь, что кто-нибудь может зайти и узнать, что я читаю книги. После двух лекций Стурикса и его трактата я был уже совсем уверен, что к магии способен каждый, а сама магия является чем-то средним между знанием, даром, творчеством и тренировками. Первое волшебство появилось с развитием интуиции. Способность читать сны стала основой предсказаний, а многочисленные духовные практики привели к расширению полноты чувств, и вот уже очень скоро появились первые полноценные заклинания — направленные потоки невидимой, для непосвященных, энергии. Первые заклинания заключались в копировании природных явлений и состояний. Потом, вслед за умением делать миражи и кальки с окружающей природы, развилось умение эту кальку изменять, появились и

те, кто умел обращать себя или окружающих в магические объекты. Затем магия совершенствовалась, усложнялась, и самые высшие заклятия уже вмещаются в естественный ход событий природы и касаются таких понятий, как жизнь и смерть, дают способность полета, вызывают элементарей — созданий, являющихся воплощением самой стихии, — и приводят чуть ли не к уничтожению всего сущего. Считается, что маги, в принципе, способны несколько раз уничтожить все живое, включая себя, если захотят. Но пока что их сознательности хватает на недопущение этого.

Каждое заклинание было жанром, а школа магии — видом искусства с множеством стилей, будь то классический, агрессивный, защитный, полагающийся на удачу, комплекс-ный и многие другие, в зависимости от разнообразия, силы, умения использовать заклинания, магические предметы и группы заклинаний, которыми ты владеешь. Ежели кто владел магией нескольких школ, то это уже был синтез видов искусств.

На следующий день, как и в дни после этого, я снова пошел в школу, но уже без Сольнира. Поначалу я стеснялся ходить на другие занятия, кроме природы магии, но затем начал посещать лекции по введению в волшебство, основам различных школ магии и магические практики, на

которых развивают предмагические способности и даже обучают заклинаниям. В скором времени я обнаглел настолько, что всегда садился как можно ближе к профессору, постоянно задавал вопросы и больше всех жаловался, когда кто-нибудь опаздывал на урок. Помню, моей первой лекцией, помимо классической природы магии, было введение в магию воды. Занятия проходили в зале с бассейном, напоминавшим огромный аквариум, в котором жили обитатели морей и рек. Магистр воды Новариус был очень странным человеком и вел уроки соответствующе. Он рассказывал, что кровь, вода, пот и сперма — вот четыре главные жидкости, благодаря которым живет большинство существ, и в этом четыреединстве воды суть всего истинного. Затем он указал на рыбок, весело плавающих в аквариуме, и сказал:

— Первая ступень понимания магии воды — это созерцание рыбы в воде. Каким же вы находите смысл этого занятия?

— Учитель, обучаясь полету рыб в воде, можно увидеть суть заклинаний воды, которая есть единение с водной стихией, — ответил Самес, лучший ученик школы и любимец всех учителей.

— Совершенно верно. Чтобы познать магию воды, нужно быть очень хорошей рыбой.

Нет-нет, я не ослышался, он сказал именно так: «Нужно быть рыбой».

— Но рыбам неизвестна магия, а лучшие знатоки воды жили в Штормхолде, были людьми и поедали рыб без зазрения совести, — справедливо возразил я.

На секунду все замолчали. Оказывается, в отличие от рыбы, у меня был голос, и я воспользовался им неправильно.

— То, что ты предлагаешь заняться рыбоубийством, — это нагло, аморально и отвратительно, но почему же ты думаешь, что рыбам неизвестна магия?

— Потому что они глупые создания, без грамма интеллекта и точно не умеют колдовать.

— Почему же ты утверждаешь, что ты не рыба?

Слова Новариуса рассердили меня не на шутку и разве-селили класс.

— Потому что я не похож на нее, у меня нет ни чешуи, ни плавников, ни жабр, а глупая рыба даже не умеет разговаривать, не то что прочитать заклинание.

Зря я это сказал. Новариус тут же прошептал несколько слов, после которых на моей голове вместо волос вырос огромный плавник, кожа покрылась чешуей, я стал задыхаться, и ко всему прочему из бассейна выскочил большой сом, человеческим голосом заявил, что я несносный

дурак, изо всех сил ударил меня по причинному месту плавником и нырнул обратно в бассейн.

— Что, ты все еще думаешь, что ты не рыба?

— Но ведь я не умею плавать!

— Как же ты можешь утверждать, что ты не рыба, если ты никогда не пробовал плавать?

Диалог с магистром воды был воистину занятием бессмысленным, к тому же я догадывался, к чему это может привести, поэтому вскоре мне пришлось признать, что я рыба.

Первые упражнения по развитию магических способностей мы тренировали на лекциях по введению в волшебство. Наибольшую сложность на них у меня вызывало пренебрежение к глупым действиям, которые совершал волшебник во время произнесения заклинания, к так называемому ритуалу. Важно было сконцентрироваться, желательно освободить мысли и затем суметь сосредоточиться на ритуале. Сначала я долгое время просто отвыкал относиться к этому как к чему-то постыдному.

А затем у меня появились так называемые ранние полу-магические навыки. И самой первой была, естественно, скорость. Моя природная ловкость и скорость мысли соединились в магической быстроте, которая выражалась в хорошей реакции, умении предвидеть действие противника на секунду вперед, в молниеносности

действий. Я чувство-вал, как будто открыл в себе второе «я». Новую способность, новый потенциал, некую силу, которая таилась во мне раньше, но проявилась только теперь. Потом я сосредоточился на изучении того, что называют заклинанием.

Заклинание — что это? Только лишь ряд непонятных не то слов, не то звуков, помогающих сосредоточить энергию заклинателя ради нужного эффекта, или часть обряда, вербальный ключ к двери, за которой кроется божественная сила? К двери, которую я пытаюсь открыть. Скорее всего, это и то и другое. Как твердили все мои учителя, невозможно сразу же научиться заклинанию. Для начала необходимо развить то, чем обладает любой человек: понять природу человеческих чувств, уметь управлять ими, заставить сердце, интуицию быть твоим самым надежным другом, а не ненадежным советником, набраться мудрости, и тогда уже появятся первые домагические способности, из которых уже в дальнейшем получают полноценные заклинания.

Само заклинание появилось благодаря ритуальной магии, поэтому до сих пор для заклинания важен ритуал. Сам ритуал позволяет направлять, концентрировать энергию на выполнение одного действия. Заклинание — это мост между миром магии и реальным миром, опорой которого служат твои внутренние

способности, а внешне этот мост выражается ритуалом.

Первым заклинанием, которому обучались все маги, была магическая стрела. Достаточно редко путь в мир волшебства начинался с каких-либо других заклинаний, поэтому магическая стрела была одним из самых важных заклинаний в жизни мага. Если ученик был способен выпустить магическую стрелу, то это доказывало, что он способен колдовать. Она была общей у всех школ магии, и потом уже можно было выбирать какую-то одну школу как специализацию.

Долго я махал руками, совершал непонятные телодвижения и произносил загадочные слова, чтобы выпустить самую простенькую стрелу. И хотя у меня ничего не получи-лось, я не расстроился: лишь только пара человек из нашего класса смогли тогда выстрелить магической стрелой из своих ладоней. Поначалу я считал ритуальные действия перед заклинанием занятием глупым и смешным. Но, увидев, что они еще и бесполезны, я проникся сильнейшей любовью к каждому телодвижению, совершаемому магом в ходе ритуала. Я решил, что пусть мои действия будут так же безрезультатны, как и у остальных, но зато они будут красивы, и даже пытался достичь некоего эстетического совершенства в этом.

Тот год был полон нового. Любовь к книгам у адептов стала настолько сильна, что появились случаи, когда ученики бросали все и на несколько месяцев уходили в заснеженную пустоту гор Штормхолда с одной лишь целью: срубить себе шалаш и прочитать в нем как можно больше книжек.

Старших магов это весьма печалило, поскольку ученики становились не в меру начитанными, но слабыми физически и совершенными олухами в отношениях с женщинами, забывшими о желаниях своего дряблого тела. Так в школе впервые со дня ее основания появились занятия по физической культуре и изучению жизни немагов. Все это было направлено на то, чтобы сделать из волшебника пригодного для продолжения рода мужчину, а не просто никому не понятного чудака. Иначе маги могли бы скоро вымереть как явление. Верховный маг заявил тогда следующее:

— Никто не сможет меня убедить в том, что маг испугается, если перед ним возникнет несколько кулаков.

Верховный маг изъяснялся так, что было непонятно ни полуграмотному трактирщику, ни самому начитанному магу, ни кому бы то ни было еще. Правда, Сольнир жаловался, что тот на самом деле не слишком умен и испытывает непонятную

страсть к предметам из «мастерской магических изобретений». Каждая более или менее сносная новинка сначала попадала на апробацию к Верховному магу, а уж потом доходила до остальных членов академии, если он мог с нею расстаться.

Мне, кстати, нравилось посещать занятия, развивающие физически. В них был какой-то новый, системный подход, а не обычное «держи вора!», как у нас рынке. Я почувствовал, что действительно стал гораздо сильнее, чем прежде. Поначалу это был один из немногих предметов, в котором я, по крайней мере, не уступал остальным ученикам, а многих даже превосходил. На физкультуре я познакомился с Веззелом, первым и единственным моим другом в школе. Во время упражнения в беге я упал, а он мне подал руку, несмотря на то, что все знали, какого я происхождения. Веззел был гораздо эрудированнее меня, знал многое из истории Штурмхолда, был магом в пятом поколении, но при этом оставался неплохим человеком. Он был немножко неуклюж, очень юн, белобрыс и в присутствии любой девушки становился настолько застенчив, что не мог согласовать и пары слов, краснел и выходил из помещения с дрожью в коленках. Помню, в один из первых дней мы обсуждали женщин в нашей школе. Веззел говорил:

— Была одна профессор-волшебница, которая носила очень короткую мантию с большим вырезом. Так вот, неожиданно у нее из мантии выпала грудь.

— И что? — спросил я.

— Нет, ну ты что, не понимаешь? У нее грудь выпала!

— Ну, и как грудь?

— О, это божественные холмы в королевских садах.

— Подожди, у нее, что ли, волосатая грудь?

— Нет, конечно. С чего ты взял?

— Ну, ты сам сказал: «сады королей».

— Мужлан! Это образ.

— Так, и как грудь? Помещалась в твою ладонь или за-нимает половину?

— Не знаю, я не видел, но старшие говорят, что большая.

— Так ты даже не видел, что ли?

— О, если б мне только довелось ее увидеть! Я бы при-льнул своими членами к ее груди!

— Ты ужасный человек, Веззел. По-моему, вы, дети ма-гов, совсем не умеете обращаться с женщинами.

— А ты откуда знаешь, как нужно обращаться с женщи-нами?

— Я, конечно, не первый соблазнитель Штурмхолда, но знаю одно: чем хуже ты с ней обращаешься, тем легче ее заполучить.

— Что? Вздор! Ты точь-в-точь как твой учитель.

— Что ты имеешь в виду?

Тогда-то я и узнал, почему у всех в школе каждый раз была такая реакция на Сольнира. Свою славу он заработал не успехами на магическом поприще, и даже не бесконечным поиском Грааля, которому посвятил всю свою жизнь. Оказывается, он очень любил делать девушкам непристойные предложения и всегда прилюдно рассказывал, что будет с ней вытворять, «колдуя заклинание страсти». Расчет Сольнира был очень прост. Как правило, та, к которой он обращался при всех, отказывалась от услуг Сольнира в девяносто девяти случаях из ста. Когда же случался этот один-единственный случай, Сольнир, не мешкая, тут же набрасывался на свою жертву и, даже не вспомнив того, что рассказывал буквально недавно, просто, без изысков, за пару минут делал свое дело и, не говоря ни слова, отправлялся восвояси. Но не в этом суть. Когда Сольнир, не стесняясь никого, красочно рассказывал о пылком танце любви, та, к которой он не обращался напрямую, но была неподалеку, внимательно выслушивала его невероятно страстную речь, устремляла свой взор

на мага, желала его и, когда Сольнир уходил, сама затаскивала его в постель, незаметно для окружающих. Вообще в любовных играх Сольнир не уважал никакого другого метода, кроме грубой силы.

Были у меня и недоброжелатели. К ним можно причислить Эдварда и Самеса, которые единственные уже пускали магические стрелы, — оба знатного происхождения, оба стремились предстать в лучшем виде перед учителями, всегда отвечали первыми, когда лектор задавал вопрос в зал, и оба ненавидели простолюдинов, о чем давали понять на лекциях по изучению немагов.

На этих лекциях рассказывали, что немаги в общей массе существа алчные, подлые, прожорливые и не понимают ничего в высоких материях. Особый резонанс вызвали лекции, на которых рассказывали про простолюдинок, — глупая попытка магов при помощи «науки» понять женскую душу. Женщины были, с точки зрения магов, еще хуже, чем мужчины, а круг их интересов был как нельзя узок: количество золотых, появляющихся в кармане мужа, количество локтей, которыми измеряются жилые помещения в их доме, способы приготовления еды и выращивания потомства. Смею заметить, что рассказы о детях вызывали у магов ужас, хотя само потомство считалось необходимостью.

Примерно в это же время я впервые пришел на занятие по основам магии земли. Как я говорил ранее, их вели в оранжерее. Пантусар, магистр земли, долго рассказывал о способах выращивания растений в условиях Штормхолда, о пересадке корней деревьев, о методах определения зрелости плодов. А я лишь наблюдал за насекомыми, смотрел на высокие зеленые деревья, к которым никак не мог привыкнуть, дышал каким-то новым для меня воздухом и нисколько не обращал внимания на то, что он говорил. Оказалось вдруг, что Пантусар уже минуту как дожидался от меня ответа на вопрос: почему так важно уметь ухаживать за растением?

— Потому что только лишь знание того, как живет растение, может открыть начинающим магам суть жизни. И чтобы знать магию земли, нужно быть хорошим деревом, — пытаюсь угодить Пантусару, ответил я.

— То есть ты считаешь, что дерево умеет колдовать?!!

— Да, — робко ответил я, вспоминая свой недавний инцидент с Новариусом и стараясь избежать его повторения.

— Ха-ха-ха! Ты настолько глуп, что не умнее женской головной подвязки! Ты думаешь, что ухаживать за растением все равно, что ухаживать за какой-то девицей! Ты нисколько не разбираешься в

земледелии! — буквально завопил Пантусар. Затем этот уважаемый старик с бородой вскочил на стол заорал:

— Вы на рынке только и умеете, что ухаживать за девицами! Так вы это делаете? — движениями рук и ног Пантусар очень неприличным образом показывал, как происходят брачные игры у людей. — Так, да? Вот так вот? Я-то знаю, как вы с девушками обходитесь!

После этого он еще долго обзывал меня плохим крестьянином и предсказал, что я никогда не стану магистром магии земли. Не знаю, как можно угодить магам в нашей академии.

Мое обучение шло стремительно. Занимаясь магией, я терял счет времени. Забывал про чувство голода и мог не есть целыми днями. Сольнир твердил, что это очень типично для тех, кому от рождения достается меньше шансов, чем остальным, и связывал мое сильное увлечение с происхождением. Таких простолюдинов, обучавшихся заклинаниям первого уровня, как я, было несколько, но их способности были замечены рано, их быстренько прибрали к своим рукам маги, и они уже давно потеряли связь с остальным Штормхолдом. Парадоксально, но большинство из них являлись наиболее яркими сторонниками Верховного мага в стремлении ограничить доступ к

магии для простолюдинов и даже не разговаривали со мной.

На исходе первой недели вместе с остальными учениками меня повели в зал концентрации маны. Вот уж поистине удивительное место. Помещение идеальной, круглой формы, с непонятными синими облаками и магическими искорками, висевшими прямо в воздухе; как только кто-либо начинал произносить заклинание, они собирались в пучок, умножали волшебную силу мага и оборачивались полноценным заклинанием, сила которого возрастала в несколько раз. Старичок Пантомил следил за порядком в зале.

Считалось, что сама магия, воплощенная в чистой энергии, помогает сотворить заклинание. Я подумал: что случит-ся, если я попытаюсь выстрелить магическую стрелу здесь? Затем я провел серию своих излюбленных телодвижений, пытаясь исполнить их наиболее красиво, в конце вытянул обе руки вперед, сложив ладони одна на одну, молниеносно развел их в стороны, выкрикнул последнее слово заклинания, и, клянусь священным Граалем, самая красивая и быстрая магическая стрела на свете полетела прямо в Пантомила. Он с грохотом упал на землю, выронил свой посох и лежал на полу, не двигаясь. Я боялся, как бы он не отправился к праотцам, и просто не знал, что бы случилось, если бы он и впрямь окочурился. К

счастью, через полминуты он поднял голову, заявил, что ему, видимо, пора на покой, и покинул зал.

Затем наступил момент блаженства. Сладкая тишина после моей первой магической стрелы, уважение и зависть со стороны всех соучеников и невероятная гордость собой. Я осознал, как минуту назад магическая энергия сконцентрировалась во мне, легкий заряд прошел по всему телу, собрался в руках и вышел наружу. Мне хотелось плясать, свистеть и кричать, — я с трудом сдерживал это все в себе и внешне старался показать, что, мол, так и должно быть и не стоило сомневаться во мне ни на йоту. Через минуту, когда магическая стрела вышла у Веззела, он не стал сдерживаться и радовался своему успеху, как сумасшедший, слегка присев и махая двумя руками в стороны. В тот день половина нашего класса впервые смогла исполнить самое простое заклинание — магическую стрелу.

Перед тем как отправиться домой, я застрял у входа в помещение с надписью «зал промывания кистей». Мне было так интересно, что там происходит, что я просто не мог пройти мимо. К тому же эйфория все еще не отпускала меня, и мне казалось, что теперь мне дозволено абсолютно все. Поначалу я не решался туда войти, поскольку боялся напороться на кого-то из старших магов. Также я слышал, что где-то рядом бродит